

А.Л. Королева (Москва, Россия)

Особенности изображения «иномирного» пространства в бретонских лэ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности «иномирного» пространства, описанного в бретонских лэ. В качестве объекта исследования выбраны два лэ Марии Французской, а именно «Гижмар» и «Йонек», а также два анонимных среднеанглийских лэ – «Сэр Дегаре» и «Сэр Орфео». Во всех четырех текстах присутствует мотив перехода в пространство, которое можно определить как «волшебное», «потустороннее» или даже «загробное»; в данной работе для него используется понятие «иномирное», так как оно является более общим и нейтральным. В статье делается вывод о том, что такое пространство имеет определенный набор повторяющихся свойств и характеристик, таких как необычайная безлюдность, подчеркнута богатое убранство помещений, наличие природных маркеров (лес, река) и т. д. Некоторые из этих свойств типичны и для «иномирного» пространства, описанного в других средневековых жанрах (таких как рыцарский роман); другие же, по всей видимости, являются характерными именно для лэ. Рассматриваются также связи особенностей изображения «иномирного» пространства в бретонских лэ с кельтской мифологией.

Ключевые слова: бретонское лэ, Мария Французская, «Сэр Орфео», «Сэр Дегаре», мотив инициации, мотив путешествия в загробный мир, кельтская мифология

A.L. Koroleva (Moscow, Russia)

The Specifics of Otherworldly Space Depiction in Breton Lays

Abstract: The given article has attempted to identify the characteristics of the “otherworldly” space as described in Breton lays. The research material consists of two lays by Marie de France, namely, “Guigemar” and “Yonec”, as well as two Middle English lays, “Sir Degaré” and “Sir Orfeo”. All these texts include a motif of a passage into a space that can be described as magical, strange, or even regarded as the underworld. In this paper, this space is defined as “otherworldly”, since this term is broader and more neutral. The article concludes that such space has a number of recurring properties and characteristics, such as unusual desolation, emphasized richness of dwellings, natural markers (forest, river), etc. Some of these properties are also typical of the “otherworldly” spaces described in other medieval genres (such as chivalric romance), while others appear to

be specific to lays. The paper also examines the links between the specific features of the “otherworldly” space in Breton lays and Celtic mythology.

Key words: Breton lay, Marie de France, Sir Orfeo, Sir Degaré, initiation motif, journey to the underworld motif, Celtic mythology

ВВЕДЕНИЕ

Бретонское лэ – жанр средневековой литературы, родоначальницей которого считается поэтесса XII в. Мария Французская. Главными атрибутами данного жанра являются элемент волшебства, любовный сюжет, а также связь с Бретанью и – шире – с кельтским фольклором. При этом важную роль в лэ, как рассказах о волшебном, играет заимствованный из кельтских мифов и фольклора образ «иномирья» («Otherworld»)¹. В данной работе мы попытаемся выделить характерные черты такого «иномирного» пространства и понять, по каким признакам оно опознается в тексте. Под «иномирным» пространством понимается в данном случае любое пространство, онтологически противопоставленное обыденному, немаркированному хронотопу, в котором протекает жизнь героев до и после столкновения с волшебным. В качестве материала выбраны два лэ Марии Французской – «Йонек» и «Гижмар» и два анонимных среднеанглийских лэ – «Сэр Орфео» и «Сэр Дегаре».

ИСТОРИЯ ИНИЦИАЦИИ: «ГИЖМАР» И «СЭР ДЕГАРЕ»

В тексте лэ «Гижмар» мы знакомимся с почти идеальным рыцарем, единственный недостаток которого – неспособность полюбить женщину. Во время охоты он стреляет в белую лань, однако стрела возвращается и поражает его самого. Волшебное животное предрекает, что герой не сможет исцелиться от раны, пока не полюбит женщину и не претерпит страдания любви. Отчаявшийся герой идет наугад и видит пустой корабль. Судно по волшебству привозит его к замку, где томится несчастная женщина, запертая в башне своим ревнивым мужем, после чего разворачивается долгая любовная драма с разоблачением, расставанием, а затем встречей и узнаванием.

В лэ «Сэр Дегаре» повествуется о юноше, мать которого была смертной женщиной, изнасилованной королем фэйри. Воспитанный отшельником вдали от родных, герой в чем-то повторяет путь Эдипа, хотя обстоятельства его жизни намного менее драматичны: он сражается с драконом, становится победителем турнира, после чего едва не женится на собственной матери, но правда открывается до того, как герои вступают в отношения. Дегаре отправляется на поиски своего отца, по дороге влюбляется в девушку и ссорится с рыцарем, которого встречает в лесу. Во время поединка рыцарь по мечу Дегаре узнает в нем своего сына; лэ завершается браком рыцаря-фэйри и матери Дегаре, а также самого Дегаре и его возлюбленной.

Обе истории заканчиваются браком, что косвенно указывает на наличие мотива инициации, ведь инициация означала вступление молодого человека во взрослую жизнь и, следовательно, право вступать в брак. Первую часть «Гижмара» можно назвать своего рода «любовной инициацией», так как герой проходит испытания и вступает в мир любовных отношений, ранее недоступный и непонятный ему. В «Сэре Дегаре» тема инициации еще очевиднее: герой здесь только начинает свой путь, ему еще предстоит занять место в социальной иерархии. На инициационные

¹ Carruthers L. What Makes Breton Lays ‘Breton’? Bretons, Britons and Celtic ‘Otherness’ in Medieval Romance // *Études Épistémè*. 2014. № 25: journals.openedition.org/episteme/205 (date accessed: 08.06.2023).

мотивы указывают такие элементы, как поиск родителей, совершение подвигов, битва с отцом. Разумеется, инициация связана с «иномирьем», ведь это момент перехода в иное состояние, превращения ребенка во взрослого, перерождение. Как известно, во множестве культур инициация проводилась в неких особых пространствах, при чем почти всегда в лесу¹.

Лес появляется в обоих лэ как маркер волшебного: в лесу мать сэра Дегаре встречает рыцаря-фейри, в лесу сам Дегаре сталкивается с драконом, наконец, в лесу расположен замок, в котором герой знакомится со своей будущей женой, и в этом же лесу герой встречает своего отца. Таким образом, лес трижды появляется в ключевых эпизодах истории. Завязка истории Гижмара также происходит в лесу. Начинается она со столкновения с белой ланью – образ, который, по всей видимости, имеет фольклорные корни. В частности, обращает на себя внимание история, рассказанная в одной из саг о герое Финне. Однажды он преследовал прекрасную олениху во время охоты; позже ночью к нему явилась девушка, которая сказала, что это она была в облике оленихи². В истории Гижмара лань и женщина, которую полюбил герой, разделены, в то время как в саге это было одно существо. Тем не менее, явно прослеживается связь образа лани / оленихи с зарождением любви, с «любовной инициацией». При этом в связи с охотой на лань появляется и мотив мнимой смерти, который также характерен для «иномирного» в рыцарском романе³: герой получает рану, которую никто не в силах исцелить. Также любопытно отметить, что конфликт между сэром Дегаре и рыцарем, который оказывается его отцом, происходит из-за оленя: рыцарь объявляет лес своим и обвиняет Дегаре в том, что он охотился на оленя. В кельтской традиции олень часто воспринимается как животное с особым статусом и ассоциируется с рогатым богом Кернунном / Цернунном⁴. С другой стороны, охота на оленя в Средние века в целом воспринималась почти как ритуальное действие⁵, так что истоками образа может быть как мифология кельтов, так и реально существовавшие в обществе представления и практики. Любопытно, что в истории борьбы с отцом мы встречаем именно оленя, тогда как в истории «любовной инициации» – лань.

Еще один элемент, связанный с «иномирьем», – вода. В «Гижмаре» герой, как уже говорилось выше, путешествует на заколдованном корабле, пересекает водное пространство. Что касается сэра Дегаре, то вода в его истории не имеет никакой сюжетной функции, но упоминается в связи с замком: «Thenne he segh a water cler, // And amidde a river, // A fair castel...»⁶ («Потом он увидел чистую воду // И посреди реки // Прекрасный замок...», строки 739–741⁷). Очевидно, что вода здесь выступает исключительно как элемент, сигнализирующий о переходе в «иномирье».

Перейдем, однако, к «рукотворным», не связанным с природой элементам. Замок в «Сэре Дегаре» поражает героя своей безлюдностью: «As neither on lond

¹ *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. С. 39.

² *Широкова Н.С.* Мифы кельтских народов. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. С. 179–180.

³ *Абрамова М.А.* Специфика изображения «мира иного» во французском рыцарском романе XII–XIII вв. // *Фольклор: Структура, Типология, Семиотика.* 2022. Т. 5. №3. С. 39.

⁴ *Широкова Н.С.* Мифы кельтских народов. С. 172.

⁵ *Пастуро М.* Символическая история европейского Средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. С. 77–79.

⁶ Здесь и далее среднеанглийские лэ цит. по: *The Middle English Breton Lays / Ed.: Anne Laskaya, Eve Salisbury.* Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995: d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-sir-degare (date accessed: 11.06.2023).

⁷ Здесь и далее перевод автора статьи.

ne on hegh // No quik man he ne segh» («И ни внизу, ни на верхних этажах // Ни одного живого человека он не увидел», строки 759–760). Далее герой видит, что кто-то зажег в зале огонь, и понимает, что замок населен. Тем не менее мы можем предположить, исходя из сопоставления текста с остальными лэ, что автору было важно передать это первое впечатление героя, которому замок кажется пустынным. Описанию замка, в котором Гижмар встречает свою любовь, в тексте уделено совсем немного места. Строго говоря, это даже не замок, а башня, куда муж поместил свою жену: «En un vergier suz le dongun, // La out un clos tut environ; // De vert marbre fu li muralz»¹ («Привратник охранял донжон, // Окруженный со всех сторон // стенами из зеленого мрамора», строки 219–221). Единственное, что привлекает здесь внимание, – необычный материал. Выбор именно зеленого мрамора, возможно, был неслучаен: зеленый цвет в Средние века был символом новой любви², что в контексте истории Гижмара кажется очень уместным. Здесь, однако, стоит обратить внимание на описание корабля. Как и замок в «Сэре Дега-ре», корабль, на котором оказывается Гижмар, неестественно безлюден: «Dedenz quida hummes truver // Ki la nef deüssent garder; // N'i aveit nul, ne nul ne vit» («Там надеялся он найти людей, // Которые должны были управлять кораблем; // Никого он там не нашел, никого не увидел», строки 167–169).

Еще один интересный мотив в лэ Марии Французской – гиперболизированная роскошь ложа, которое находит на корабле герой: например, наименее ценный из двух канделябров, окружающих его, стоит целое состояние («Deus chandelabres de fin or – // Le pire valeit un tresor» – «Два канделябра, отделанных золотом, // Худший из которых стоил сокровища», строки 18–184). Как мы увидим далее, это характерная особенность «иномирных» пространств.

**«...ГДЕ ОКАЖЕМСЯ ВСЕ, СОТВОРЕННЫЕ СМЕРТНЫМИ»:
«ЙОНЕК» И «СЭР ОРФЕО»**

Лэ Марии Французской «Йонек» и среднеанглийское анонимное лэ «Сэр Орфео» имеют схожие сюжетные элементы, хотя и не связаны «генетически». «Йонек» является одной из вариаций сюжета о возлюбленном, превращающемся в птицу (номер 432 в классификации Аарне-Томпсона³), хорошо известного в русской культуре по сказке «Финист – Ясный Сокол». Рыцарь-ястреб Мульдумарек навещает свою возлюбленную в башне, куда ее заточил ревнивый старый муж. Секрет влюбленных, однако, становится известен, и ревнивец устанавливает на окнах жены шипы и колья, так что следующий визит героя становится фатальным. Смертельно раненный, Мульдумарек возвращается к себе на родину, королем которой он является, но его возлюбленная следует за ним по кровавым следам и попадает в странный безлюдный город, затем – в замок. Там она получает от умирающего возлюбленного волшебное кольцо, благодаря которому ее муж забудет о случившемся, а также меч. Мульдумарек открывает ей, что она родит от него сына, которого назовет Йонек. Когда тот вырастет, он узнает правду о своем происхождении и отомстит убийце своего настоящего отца с помощью этого меча. Все так и происходит.

¹ Здесь и далее лэ Марии Французской цит. по: *Les lais de Marie de France / Publ. par Jean Rychner*. Paris: Champion, 1981.

² *Хейзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988. С. 131.

³ *Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folk-Tale. A Classification and Bibliography. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1961. P. 146.

Лэ «Сэр Орфео», как несложно догадаться, пересказывает на новый лад историю Орфея и Эвридики: жене короля Орфео является во сне король фэйри, который затем похищает ее. Безутешный муж покидает свой престол и долго скитается в лесах, после чего встречает группу охотящихся девушек. Проследовав за ними, Орфео попадает в мир фэйри, где видит свою жену (Эуродис в английском варианте), и, усладив слух короля фэйри игрой на арфе, добивается ее возвращения в мир людей. Лэ, в отличие от своего античного источника и от текста Марии Французской, заканчивается счастливо.

Интересно, что переход в «иномирное» пространство в этих двух лэ, так же как и в предыдущих, так или иначе связан с любовью. При этом немного выбивается в этом смысле «Йонек», во всех остальных лэ читатель (или, скорее, слушатель) следит за перемещениями мужского персонажа, в то время как героиня либо изначально находится в «иномирье», либо попадает туда раньше героя. В «Йонек», напротив, герой является носителем связи с иным миром, а его возлюбленная играет роль фокального персонажа, за путешествием которого мы наблюдаем. Можно сказать, что здесь происходит отступление от кельтской традиции, для которой характерна связь «иномирья» с женским началом¹.

Два текста, которые мы рассматриваем в данном разделе, представляют собой похожие истории: герои попадают в особое пространство в попытке спасти своих умирающих / умерших возлюбленных. Однако осмысляется это путешествие по-разному. Так, «иномирьем» английского лэ является страна фэйри, уже знакомая нам по «Сэру Дегаре». В лэ Марии Французской фэйри нет: волшебным существом и одновременно королем волшебного мира является возлюбленный героини. Онтологический статус пространств, которые мы можем назвать «иномирными», тем не менее отличается: в «Сэре Орфео» герой встречает, очевидно, умерших людей, да и источник лэ намекает на путешествие в загробный мир («*Sum stode withouten hade, // And sum non armes nade, // And sum thurth the bodi hadde wounde, // And sum lay wode, y-bounde*» – «Некоторые стояли без головы, // Некоторые не имели рук // У некоторых в теле были раны насквозь, // А некоторые лежали, безумные и связанные», строки 391–394). Сложнее ситуация в «Йонек», ведь раненый Мульдумарек возвращается к себе на родину: он говорит о своих подданных, которые могут обнаружить его возлюбленную и рассердиться, что из-за нее погиб их король («*Se vus i esteiez trovee, // Mult en seriëz turmentee; // Bien iert entre ma gent seü // Qu' il m'unt pur vostre amur perdu*» – «Если Вас здесь найдут, // Большие мучения Вам причинят: // Хорошо станет известно моему народу, // Что из-за Вашей любви я погиб», строки 409–412). Приравняв «иномирное» пространство в данном лэ к стране мертвых, мы обязаны были бы принять и то, что главный герой является ее королем, хотя в его образе отсутствует какие-либо макабрические мотивы, способные подтвердить такую точку зрения. Также пришлось бы допустить возможность смерти внутри страны мертвых. Чтобы разрешить эту трудность, стоит обратиться к финалу лэ, в котором героиня снова попадает в земли Мульдумарека, однако выглядят они иначе и не имеют «иномирных» черт. Вероятно, подобно своему правителю, то превращавшемуся в ястреба, то принимавшему облик своей возлюбленной, его королевство способно менять свой облик, приобретая черты загробного мира в момент гибели своего короля.

Несмотря на такую разницу, описание путешествия в «иномирье» в двух лэ удивительно похоже. В обеих историях «иномирное» пространство никак не свя-

¹ Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. С. 88.

зано с классическим «underworld», подземным миром, – напротив, оно локализовано на поверхности, но в обоих текстах ему предшествует проход сквозь пещеру. Конечно, это маркер «иномирного» пространства. Его расположение как бы внутри холма или за холмом не может не напоминать о волшебных холмах – локусах Иного мира у кельтов¹. Также отмечается сходство описания места, куда попадает героиня «Лэ о Йонеке», с кельтскими захоронениями, которые также находились внутри холмов и зачастую имели три «отсека» (героиня проходит две комнаты и в третьей находит своего возлюбленного)².

Выйдя из пещер, и Орфео, и героиня «Йонека» видят прекрасные луга: «Ne com into a fair cuntray // As bright so sonne on somers day, // Smothe and plain and al grene» («Он пришел в прекрасную землю, // Яркую, как солнце в летний день, // Гладкую и зеленую», строки 351–353); «Tant a le dreit chemin erré, // que fors de la hoge est eissue // e en un mult bel pre venue» («Она продвигалась вперед по дороге, // Которая вывела ее из-под холма // На прекрасный луг», строки 358–360). В «Йонеке» также упоминается текущая рядом река («curt une ewe tut envirun» – «И, огибая его, текла река», строка 372). Так же, как и в «Сэре Дегаре», река не играет никакой роли в сюжете, но служит показателем связи с «иномирным».

«Иномирье» отличается одновременно буйством и красотой природы и сказочным богатством рукотворных объектов (если мы можем говорить о рукотворности в данном контексте). Так, в «Йонеке» все здания города и замок состоят из серебра, а в «Сэре Орфео» герой попадает в замок из золота и драгоценных камней, окруженный хрустальной стеной. При этом симптоматично, что в обоих текстах как будто звучит неуверенность в реальности происходящего. Так, в «Йонеке» не говорится, что здания были серебряными, но что они «казались» серебряными: «N'i ot mesun, sale ne tur // Ki ne parust tute d'argent» («И не было там ни дома, ни комнаты, ни башни, // Которые бы не казались сделанными из серебра», строки 366–367). В «Сэре Орфео» также не сказано напрямую, что стена замка была хрустальной: «Al the utmast wal // Was clere and schine as cristal» («Вся внешняя стена // Была ясной и сияющей, будто хрусталь», строки 357–358). Это создает некую иллюзорность происходящего, заставляя усомниться в реальности описываемого в тексте.

Стоит отметить, что героиня лэ Марии Французской не встречает в замке ни одного человека, кроме двух спящих в комнатах замка рыцарей, хотя Мульдумарек упоминает о своем народе. Так же, как в двух лэ, рассмотренных ранее, мы видим здесь необычную пустынную мест, которые в нормальной ситуации должны быть заполнены людьми (в данном случае это город и замок). Интересно, что в «Сэре Орфео», наоборот, герой встречает короля фейри и множество рыцарей и дам, двор короля сравнивается с раем («Bi al thing him think that it is // The proude court of Paradis» – «По всем приметам думалось ему, что это // Великолепный двор Рая», строки 375–376).

Тема необыкновенной роскоши в «Йонеке» продолжается в описании комнаты, в которой находится умирающий Мульдумарек («Ne sai mie les dras preisier; // Li cirgè e li chandelier, // Ki nuit e jur sunt alumé, // Valent tut l'or d'une cité» – «Не знаю, как оценить простыни; // Подсвечники и свечи, // Горевшие днем и ночью, // Сто-

¹ Михайлова Т.А. «Дом Донна» и Острова Иного мира в ирландской традиции // Фольклор: Структура, Типология, Семиотика. 2022. Т. 5. №3. С. 16.

² Dubost F. Les motifs merveilleux dans les lais de Marie de France // Amour et merveille: Les Lais de Marie de France. Études recueillies par Jean Dufournet; Avec la collab. de Pierre-Yves Badel et al. Paris: Champion, 2013. P. 56.

или золота целого города», строки 389–391), что не может не напоминать эпизод с ложем на корабле, куда попадает Гижмар.

Интересно также отметить, что в лэ Марии Французской неожиданно возникают христианские образы: это и упомянутые выше свечи, и колокольный звон, который слышит героиня, покидая город (кто звонит в колокол в пустом городе – еще одна загадка текста), а также то, что еще в начале повествования герой объясняет своей возлюбленной, что верит в Бога, и причащается. По всей видимости, для Марии Французской было важно отмежеваться от сугубо языческой образности, подчеркнуть связь ее героев с христианским миром. Что же касается анонимного автора «Сэра Орфео», то, кажется, для него образность, связанная с фейри и фольклором в целом, ощущалась как нечто естественное, что не требует оправданий и объяснений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа четырех текстов мы можем выделить некоторые типичные черты, характеризующие «иномирное» пространство в бретонских лэ, а также образы и мотивы, связанные с такими пространствами. К ним относятся следующие:

- связь «иномирья» с инициацией;
- мотив реальной или мнимой смерти;
- связь появления «иномирья» с любовью, ее обретением или попыткой вернуть;
- использование природных маркеров «иномирья», таких как лес, вода (часто – река), зеленый луг, проход под землей;
- появление имеющих символическое значение животных (олень, белая лань);
- образ замкнутого пространства замка, башни;
- необыкновенная безлюдность обычно наполненных людьми мест, таких как замок или корабль;
- необычный материал, из которого построен замок и/или другие здания;
- богатство и роскошь, упоминания драгоценных металлов и камней;
- мотивы нереальности, иллюзорности происходящего.

Как можно убедиться, «иномирное» пространство в бретонских лэ маркировано и имеет яркие черты, присутствующие во всех или нескольких текстах. Отдельные свойства «иномирного» были заимствованы (иногда при этом подвергшись трансформации) из кельтской мифологической традиции, что особенно характерно для природных маркеров, таких как вода, лес и т.д. Некоторые характеристики сближают «иномирье» лэ с аналогичными пространствами рыцарских романов, иные же являются, по всей видимости, уникальными для рассмотренного жанра.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М.А. Специфика изображения «мира иного» во французском рыцарском романе XII–XIII вв. // Фольклор: Структура, Типология, Семиотика. 2022. Т. 5. №3. С. 34–44.

Биркхан Г. Кельты: история и культура / Пер. с нем. Н. Чехонадской. М.: Аграф, 2007. 512 с.

Долгорукова Н.М. Сафо Средневековья. Мария Французская: Круг чтения и литературные принципы автора XII века. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 272 с.

Михайлова Т.А. «Дом Донна» и Острова Иного мира в ирландской традиции // Фольклор: Структура, Типология, Семиотика. 2022. Т. 5. №3. С. 12–33.

Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья / Пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.

Хейзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Пер. Д.В. Сильвестрова. М.: Наука, 1988. 539 с.

Широкова Н.С. Мифы кельтских народов. М.: АСТ, Астрель, Транзиткнига, 2004. 431 с.

Aarne A., Thompson S. The Types of the Folk-Tale. A Classification and Bibliography. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 1961. 588 p.

Brouland M.-Th. Sir Orfeo: le substrat celtique du lai breton anglais. P.: Didier Erudition, 1990. 493 p.

Carruthers L. What Makes Breton Lays 'Breton'? Bretons, Britons and Celtic 'Otherness' in Medieval Romance // *Études Épistémè*. 2014. № 25. [Online]: journals.openedition.org/episteme/205 (date accessed: 08.06.2023).

Colopy Ch. Sir Degaré: A Fairy Tale Oedipus // *Pacific Coast Philology*. 1982. Vol. 17. № 1/2. P. 31–39.

Dubost F. Les motifs merveilleux dans les lais de Marie de France // *Amour et merveille: Les Lais de Marie de France. Études recueillies par Jean Dufournet; Avec la collab. de Pierre-Yves Badel et al.* Paris: Champion. 2013. P. 44–63.

Finlayson J. The Form of the Middle English 'Lay' // *The Chaucer Review*. 1985. Vol. 19. № 4. P. 352–368. [Online]: www.jstor.org/stable/25093931 (date accessed: 20.09.2023).

Furnish Sh. Thematic Structure and Symbolic Motif in the Middle English Breton Lays // *Traditio*. 2007. Vol. 62. P. 83–118. [Online]: www.jstor.org/stable/27832067 (date accessed: 22/09/2023).

Hæpffner E. La géographie et l'histoire dans les lais de Marie de France // *Romania*. 1930. T. 56. № 221. P. 1–32.

Les lais de Marie de France / Publ. par Jean Rychner. Paris: Champion, 1981. 317 p.

Ménard Ph. Les Lais de Marie de France: Contes d'amour et d'aventure du Moyen age. Paris: Presses Universitaires de France, 1979. 266 p.

Sienaert E. Les «lais» de Marie de France: Du conte merveilleux a la nouvelle psychologique. Paris: Champion, 1978. 239 p.

Stokoe W.C. The Double Problem of Sir Degaré // *PMLA*. 1955. Vol. 70. № 3. P. 518–534.

The Middle English Breton Lays / Ed.: Anne Laskaya, Eve Salisbury. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995: d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-sir-degaré (date accessed: 11.06.2023).

REFERENCES

Abramova M.A. The Specifics of the Depiction of Underworld in French Knight Novel in 12th–13th centuries. In: *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2022. Vol. 5. No 3, pp. 34–44.

Birkhan H. (2007) *The Celts. History and Culture* / Translated from German by Kh. Chekhonadskaya. Moscow. Agraf Publ. 512 p.

Dolgorukova N.M. (2016) *Medieval Sappho. Marie de France: The Range of Reading and Literary Principles of 12th century Author*. Moscow. Russian Foundation of Education and Science Promotion Publ. 272 p.

Mikhailova T.A. "The House of Donn" and the Otherworldly Islands in Irish Tradition. In: *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*. 2022. Vol. 5. No 3, pp. 12–33.

Pastoureau M. (2012) *A Symbolical History of Western Middle Ages* / Translated from French by Ye. Reshetnikova. St. Petersburg. Aleksandria Publ. 448 p.

Propp V.Ya. (2000) *Historical Roots of the Wonder Tale*. Moscow. Labirint Publ. 336 p.

Huizinga J. (1988) *The Autumn of the Middle Ages: A Study of Forms of Life and Thought of the Fourteenth and Fifteenth Centuries in France and the Netherlands* / Translated by D.V. Silvestrov. Moscow. Nauka Publ. 539 p.

Shirokova N.S. (2004) *Myths of the Celtic Peoples*. Moscow. AST, Astrel, Transitkniga Publ. 431 p.

Aarne A., Thompson S. (1961) *The Types of the Folk-Tale. A Classification and Bibliography*. Helsinki. Academia Scientiarum Fennica Press. 588 p.

Brouland M.-Th. (1990) *Sir Orfeo: le substrat celtique du lai breton anglais*. Paris. Didier Erudition. 493 p.

Carruthers L. What Makes Breton Lays ‘Breton’? Bretons, Britons and Celtic ‘Otherness’ in Medieval Romance. *Études Épistémè*. 2014. No 25. [Online]: journals.openedition.org/episteme/205 (date accessed: 08.06.2023).

Colopy Ch. Sir Degaré: A Fairy Tale Oedipus. *Pacific Coast Philology*. 1982. Vol. 17. No 1/2, pp. 31–39.

Dubost F. Les motifs merveilleux dans les lais de Marie de France. In: *Amour et merveille: Les Lais de Marie de France. Études recueillies par Jean Dufournet; Avec la collab. de Pierre-Yves Badel et al.* Paris. Champion. 2013, pp. 44–63.

Finlayson J. The Form of the Middle English ‘Lay’. *The Chaucer Review*. 1985. Vol. 19. No 4, pp. 352–368. [Online]: www.jstor.org/stable/25093931 (date accessed: 20.09.2023).

Furnish Sh. Thematic Structure and Symbolic Motif in the Middle English Breton Lays. *Traditio*. 2007. Vol. 62, pp. 83–118. [Online]: www.jstor.org/stable/27832067 (date accessed: 22.09.2023).

Hœpffner E. La géographie et l’histoire dans les lais de Marie de France. *Romania*. 1930. T. 56. No 221, pp. 1–32.

Les lais de Marie de France / Publ. par Jean Rychner. Paris. Champion. 1981. 317 p.

Ménard Ph. (1979) *Les Lais de Marie de France: Contes d’amour et d’aventure du Moyen age*. Paris. Presses Universitaires de France. 266 p.

Sienaert E. (1978) *Les “lais” de Marie de France: Du conte merveilleux a la nouvelle psychologique*. Paris. Champion. 239 p.

Stokoe W. C. The Double Problem of Sir Degaré. *PMLA*. 1955. Vol. 70. No 3, pp. 518–534.

The Middle English Breton Lays / Ed.: Anne Laskaya, Eve Salisbury. Kalamazoo, Michigan: Medieval Institute Publications, 1995. [Online]: d.lib.rochester.edu/teams/text/laskaya-and-salisbury-middle-english-breton-lays-sir-degare (date accessed: 11.06.2023).

Сведения об авторе:

Алла Львовна Королева,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alla L. Koroleva,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
red.coral.reef@mail.ru